
Эта книга отпечатана въ январѣ 1923 года
въ типографіи Sinaburg & Co., G. m. b. H.
для книгоиздательства „Геликонъ“
Обложка работы Л. Лисицкаго

Э П О П Е Я

литературный ежемѣсячникъ

подъ редакціей

АНДРЕЯ БѢЛАГО

№ 3

МОСКВА ★ БЕРЛИНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГЕЛИКОНЪ“

1 9 2 2

КЪ ТЕОРИИ КОМИЧЕСКАГО

Долженъ ли быть анекдотъ смѣшнымъ?

Чѣмъ отличается смѣшное отъ трагическаго?

Я не знаю.

Счастливы люди, которые знаютъ, сколько мыслей было у нихъ въ головѣ, за кого нужно голосовать на избирательныхъ компаніяхъ, знаютъ, что Бѣлинскій и Ивановъ-Разумникъ русскіе критики. Я думаю, что они знаютъ даже, что скажутъ люди надъ ихъ могилами. Я же не знаю даже, чѣмъ отличается смѣшное отъ трагическаго. Въ воспоминаніяхъ Бекетовой объ Александрѣ Блокѣ есть любопытное мѣсто: А. А. Блокъ со своей будущей женой, Л. Д. Менделѣевой, выступалъ въ деревенскомъ театрѣ. «Зрители относились къ спектаклю болѣе чѣмъ странно. Я говорю о крестьянахъ. Во всѣхъ патетическихъ мѣстахъ, какъ въ Гамлетѣ, такъ и въ «Горе отъ ума» они громко хохотали, иногда заглушая то, что происходило на сценѣ».

Это производило неприятное впечатлѣніе.

Не знаю.

Много разъ слышалъ этотъ смѣхъ въ 1919-20 году въ петербургскихъ театрахъ. Смѣялись въ самыхъ драматическихъ мѣстахъ. Напримѣръ, когда Отелло душилъ Дездемону. А между тѣмъ ходили въ театръ, любили театръ, говорили о театрѣ въ казармахъ.

Воспріятіе трагическое и комическое ближе другъ къ другу, чѣмъ это полагаютъ.

Вещь можетъ быть задумана, какъ трагическая и воспринята, какъ комическая, и наоборотъ.

Антонъ Чеховъ писалъ своему другу: «Пишу веселый фарсъ». — Это были «Три сестры».

На «Трехъ сестрахъ» канонично плачутъ.

У меня на рукахъ былъ блоковскій автографъ «Незнакомки».

Вы помните?

«По вечерамъ надъ ресторанами...»

Автографъ этотъ хранится у Зиновья Исаевича Гржебина.

Присланъ онъ былъ въ «Адскую почту» — юмористическій журналъ, издаваемый Гржебинымъ.

На углу рукописи помѣтка Г. Чулкова: «набрать мелкимъ шрифтомъ».

У Марка Твэна есть въ «Простодушные у себя дома и за границей» описаніе его первой юмористической лекціи. Твэнъ не вѣрилъ въ свои силы и озаботился подыскать клакеровъ. Пригласилъ здоровыхъ молодцовъ съ дубинами, пригласилъ даму, которая смѣялась особенно заразительно, на улицѣ встрѣтилъ героя своихъ повѣстей Тома Сойэра, — пригласилъ и его.

Уговоръ былъ такой. Когда Твэнъ улыбнется, дама должна была хохотать, Томъ подхватывать, а молодцы съ палками стучать и аплодировать.

Лекція удалась блестяще.

Всѣ смѣялись безъ всякихъ клакеровъ.

Въ серединѣ лекціи было серьезное мѣсто, патетическое мѣсто, которое такъ часто вводятъ въ свои произведенія юмористы (вспомните мѣсто въ «Шинели» Гоголя о молодомъ человѣкѣ... «и закрывалъ себѣ лицо руками молодой человѣкъ» и т. д.). Залъ замеръ. Твэнъ читалъ и посмотрѣлъ на даму въ ложѣ, и отъ

удовольствія, которое онъ испытывалъ, отъ ощущенія напряженности зала — улыбнулся.

Дама приняла улыбку за сигналъ и засмѣялась, Томъ Сойэръ захохоталъ, клакеры загрохотали тростями, и залъ загремѣлъ отъ хохота.

Марку Твэну не удалось во всю свою жизнь доказать, что патетическое мѣсто въ его лекціи не было его самой удачной шуткой.

Я въ этомъ ничего не понимаю.

Попробую перейти къ матеріалу анекдотовъ.

Есть анекдотъ.

Нѣмецъ не могъ вспомнить, какъ нужно говорить: — У рыбовъ нѣтъ зубовъ или — у рыбей нѣтъ зубей, или — у рыбъ нѣтъ зубъ.

Анекдотъ производитъ комическое впечатлѣніе тѣмъ, что онъ основанъ на языковой тенденціи сближенія типовъ склоненій.

У рассказчика самого нѣтъ твердаго убѣжденія въ «правильности» формы.

Я напоминаю, что Пушкинъ въ «Домикѣ въ Колоннѣ» употреблялъ слово «зубъ» въ значеніи родительнаго падежа множественнаго числа:

Скажу, рысакъ!.. Парнасскій иноходецъ

Его не обогналъ бы. Но Пегасъ

Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодець

. . . . .

Такимъ образомъ, колебаніе и борьба нѣсколькихъ языковыхъ формъ производитъ иногда комическое впечатлѣніе.

Разница въ діалектахъ чаще используется для произведенія комическаго впечатлѣнія, чѣмъ сопоставленія двухъ языковъ.

Акцептирование обычно вызывает комическое впечатление, но может и не давать его. Вспомним Пушкина:

Неправильный, небрежный лепетъ
Неточный выговоръ рѣчей,
По прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей:
Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы.
Мнѣ галицизмы будутъ милы и т. д.
(тоже въ строфахъ XXVII и XXVIII).

Въ остальныхъ же мѣстахъ «Евгенія Онѣгина» Пушкинъ постоянно пользуется изобиліемъ иностранныхъ словъ, имъ самимъ подчеркнутыхъ:

Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо' меньше-бъ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь.

Комично одновременное воспріятіе нѣсколькихъ диалектовъ, — чѣмъ широко пользовались въ итальянской и французской комедіи.

Языковыя новшества обычно воспринимаются, какъ комическія.

«...ужель сударыня?»

«Сударыня, ха-ха, прекрасно!»

«Сударыня, ха-ха, ужасно!» («Горе отъ ума»).

У Тургенева въ «Наканунѣ»

«Ахъ, ты сочувственникъ, — брякнулъ Шубинъ и разсмѣялся вновь придуманному слову».

Въ обоихъ случаяхъ сами по себѣ слова комическаго элемента не содержатъ.

Я случайно знаю, что слово «Коминтернъ» при его созданиі воспринималось, какъ смѣшное.

Многочисленные совѣтскіе анекдоты — на одномъ ощущеніи комичности новообразованныхъ словъ.

Я присутствовалъ въ Москвѣ на засѣданіи одного лингвистическаго общества, настроеннаго по отношенію къ Совѣтской Власти совершенно не оппозиціонно. Читался докладъ о «совѣтскихъ словахъ». Докладчикъ былъ филологъ-коммунистъ.

И весь вечеръ прошелъ въ веселомъ демонстрированіи различныхъ языковыхъ курьезовъ.

Болѣе сложнымъ является игра съ семантикой слова. Напримѣръ, у Теффи въ одномъ рассказѣ: «У насъ, слава Богу, въ Бога не вѣрятъ»; въ томъ же рассказѣ: «а вдругъ, не дай Богъ, Богъ есть».

Комизмъ здѣсь основанъ на томъ, что въ одномъ случаѣ въ выраженіи «слава Богу» или «не дай Богъ» слово Богъ имѣетъ не то значеніе, какъ въ утвержденіи «Бога нѣтъ» или «Богъ есть».

Это конечно основано на привычности выраженія «Слава Богу», которое воспринимается, какъ одно слово. Попробуйте сказать съ перестановкой: «У насъ Богу слава, въ Бога уже не вѣрятъ», или — «А вдругъ Богъ не дай, Богъ есть» — и ощущеніе комизма исчезнетъ.

Здѣсь комично двойное семантическое осмысливаніе одного фонетическаго знака, въ данномъ же случаѣ, тоже говоря комично, утрата словомъ его первичнаго смыслового значенія.

Перехожу на современный анекдотъ.

«Ночью стоитъ поѣздъ; выходитъ изъ вагона человекъ и спрашиваетъ: — Почему стоимъ? — Ему отвѣчаютъ: — Паровозъ мѣняемъ. — На что мѣняете?»

Здѣсь слово «мѣняемъ» имѣетъ сперва техническое значеніе замѣны одного предмета другимъ однотипнымъ (какъ о машинахъ пишутъ — «легкая замѣнимость частей»), а въ другомъ — слово «мѣнять» взято въ смыслѣ товарообмѣна.

Для меня сейчасъ, при нѣкоторой привычкѣ платить за товаръ деньгами, анекдотъ не смѣшонъ.

Очень обычны достиженія комического впечатлѣнія, черезъ примѣненія къ одной категоріи явленій понятія, связаннаго съ другой.

Беру опять современный анекдотъ.

Въ Москвѣ говорили, что Совнаркомъ приказалъ, въ виду отсутствія топлива, перевести градусникъ на четыре градуса вверхъ.

Въ старинномъ анекдотѣ это дано такъ.

Человѣкъ смотритъ на термометръ и говоритъ: 14, а я въ девять обѣщался женѣ быть дома.

Здѣсь комично сопоставленіе двухъ рядовъ цифръ: часы — градусы. Мотивировка путаницы — опьяненіе.

Въ другомъ совѣтскомъ анекдотѣ два спекулянта, изъ-за боязни Чека, уславливаются на будущее время по телефону называть мильоны не лимонами, а лошадьми. — Нужны два мильона, — говори — пришлите двѣ лошади. — Вечеромъ происходитъ разговоръ:

«Пришлите мнѣ пожалуйста три лошади».

«У меня нѣтъ ни одной лошади».

«Но я не могу жить безъ лошадей».

«Хорошо, я пришлю вамъ полторы лошади».

Анекдотъ не бытовой, такъ какъ, когда нельзя было по телефону говорить о мильонахъ, нельзя было просить и о присылкѣ лошадей.

Вся мотивировка анекдота построена для того, чтобы создать «дробную лошадь».

Рядъ такой: полтора мильона, полтора лимона, полторы лошади.

Значить комичень здѣсь не быть, а смысловое противорѣчіе въ словахъ.

Обиліе совѣтскихъ анекдотовъ въ Россіи объясняется не особенно враждебнымъ отношеніемъ къ власти, а тѣмъ, что новыя явленія жизни и противорѣчія быта осознаются, какъ комическія.

Денежно-обезцѣненные мильоны первое время сами по себѣ производили комическое впечатлѣніе.

Потомъ къ нимъ привыкли.

Но начали въ анекдотѣ использовать противорѣчіе между «денежнымъ» и реальнымъ мильономъ.

Напримѣръ:

«Ужасно! Въ Россіи можетъ быть къ осени вымретъ нѣсколько мильоновъ».

«Ну, что такое совѣтскій мильонъ!»

Мы подвигаемся къ все болѣе и болѣе мрачному матеріалу.

Напомню, впрочемъ, одну страницу изъ «Записки изъ Мертваго Дома». Цитирую по памяти. Нѣтъ книги подъ рукой.

У меня многого нѣтъ подъ рукой, напримѣръ — Петербурга, хотя бы вмѣстѣ съ Ирецкимъ и совѣтскими анекдотами.

Друзьямъ же привѣтъ.

Страница эта — слѣдующая. Сѣкутъ арестанта, офицеръ... Нѣтъ, не могу по памяти, пойду въ городъ искать книгу.

«Принесутъ розги, а Смекалову стулъ; онъ сядетъ на него, трубку даже закуритъ. Длинная у него такая трубка была. Арестантъ начинаетъ молить... «Нѣтъ ужъ, братъ, ложись, чего ужъ тутъ...» скажетъ Смекаловъ; арестантъ вздохнетъ и ляжетъ. «Ну-ка, лю-

безный, умѣешь вотъ такой-то стихъ наизусть?» — «Какъ не знать, ваше благородіе, мы крещеные, сыздѣтства учились». — «Ну, такъ читай». — И ужъ арестантъ знаетъ, что читать. И знаетъ заранѣе, что будетъ при этомъ чтеніи, потому что эта штука разъ тридцать уже и прежде съ другими повторялась. Да и самъ Смекаловъ знаетъ, что арестантъ это знаетъ; знаетъ, что даже и солдаты, которые стоятъ съ поднятыми розгами надъ лежащей жертвой, объ этой самой шуткѣ ужъ слышали..., и все-таки онъ повторяетъ ее опять, — такъ она ему разъ навсегда понравилась, можетъ быть, именно потому, что онъ ее самъ сочинилъ, изъ литературнаго самолюбія. Арестантъ начинаетъ читать, люди съ розгами ждутъ, а Смекаловъ даже пригнется съ мѣста, руку подыметъ, трубку перестанетъ курить, ждетъ извѣстнаго словца. Послѣ первой строчки извѣстныхъ стиховъ, арестантъ доходитъ до слова: «на небеси». Того только и надо. «Стой!» — кричитъ воспламененный поручикъ, и мигомъ, съ вдохновеннымъ лицомъ, обращаясь къ человѣку, поднявшему розгу, кричитъ: «А ты ему поднеси!»

И заливается хохотомъ. Стоящіе кругомъ солдаты ухмыляются: тоже ухмыляется сѣкущій, чуть ли не ухмыляется даже сѣкомый, несмотря на то, что розга по командѣ «поднеси» свиститъ ужъ въ воздухѣ, чтобъ черезъ одинъ мигъ, какъ бритвой рѣзнуть по его виноватому тѣлу».

(«Записки изъ Мертваго Дома». Т. II, гл. 2)

Здѣсь хорошо дана безкорыстность анекдота, арестантъ смѣется вѣдь не только изъ сочувствія. У него есть и чисто художественное ощущеніе отъ игры словъ.

Интересно отмѣтить, что кощунственныя пародіи на отпѣванія, когда кадило замѣняютъ старымъ лаптемъ, а

ладанъ куринымъ навозомъ (Ончуковъ) въ деревнѣ, какъ игру, производили очень религіозные люди.

Богохульство возникаетъ часто изъ потребности игры съ тяжелыми предметами, не связываясь съ отрицаніемъ божества или съ желаніемъ его активно оскорбить.

Это явленіе того же характера, какъ увлеченіе авантюрнымъ романомъ съ преступниками, но въ романахъ мы имѣемъ еще игру, напоминающую раздвоеніе личности при истеріи, — не я, молъ, люблю преступленіе, а этотъ описанный разбойникъ.

То же мы имѣемъ въ сентиментальномъ романѣ. Ричардсонъ эротиченъ, эротична, напримѣръ, сцена обыска Ловласомъ Помелы (но эротиченъ какъ бы не авторъ, а отрицательный герой). Такъ, можетъ быть, написана книга Юва. И такъ будемъ мрачнѣть дальше.

На югѣ Россіи я слыхалъ два анекдота, рассказанные мнѣ не то про бѣлыхъ, не то про красныхъ.

Вѣдь пѣсни бѣлыхъ похожи на красныя пѣсни.

Бѣлые пѣли:

Пароходъ, ближе къ пристани.

Будемъ рыбу кормить коммунистами.

Красныя пѣли:

Пароходъ идетъ, вода кольцами.

Будемъ рыбу мы кормить добровольцами

Анекдоты же слѣдующіе:

Ведутъ человѣка на разстрѣлъ. Дождь. Холодно. Онъ говоритъ: «Какая погода плохая».

Конвойный отвѣчаетъ: «Тебѣ ничего, а мнѣ назадъ идти».

Второй. Ведутъ еврея на разстрѣлъ. Онъ спрашиваетъ: «Какой сегодня день? — «Понедѣльникъ». — «Пустяки для меня начинается недѣля.»

На чемъ основанъ комизмъ этихъ анекдотовъ?

Не думайте, что я сошелъ съ ума. Я только совершенно убѣжденъ въ дѣлѣ, которое дѣлаю. Недавно узналъ, что аналогичный анекдотъ существовалъ въ 15 вѣкѣ.

Это анекдоты, кровь въ анекдотахъ не кровава, берутся не вещи, а отношеніе вещей.

Анекдоты основаны въ первомъ случаѣ на сопоставленіи смерти и непріятности, на различномъ отношеніи къ чужой смерти и къ личной непріятности.

Во второмъ случаѣ анекдотъ построенъ на противорѣчии интонаціи обычной поговорочной фразы и трагизмѣ положенія.

Это любопытнѣйшій примѣръ обрабатывающей силы приема.

Вещи въ анекдотахъ не значатъ сами по себѣ ничего. Важно сопоставленіе вещей.

Трагическое отличается отъ комическаго не матеріаломъ, изъ котораго построена композиція, а, главнымъ образомъ, ключемъ, написаннымъ передъ произведеніемъ.

Въ частности, новая форма воспринимается почти всегда, какъ комическая.

Можетъ быть поэтому комическій жанръ в искусствѣ обычно является передовымъ.

Впослѣдствіи, ощущеніе комизма стирается, и мы часто плачемъ тамъ, гдѣ нужно смѣяться.

Трагизмъ образа Донъ-Кихота — явленіе вторичное. Изслѣдованіе русскаго комическаго стиха покажетъ намъ, что именно здѣсь создавались новыя формы.

Я думаю, что въ смѣхѣ крестьянъ надъ «Гамлетомъ» не было непониманія.

Они восприняли художественную форму драмы, но въ иномъ ключѣ.

Смѣхъ есть одинъ изъ видовъ ощущенія композиціоннаго неравенства.

Ошибка крестьянъ, смѣющихся надъ «Гамлетомъ», того же рода, какъ и ошибка русской критики, плачущей надъ пародійнымъ «Евгениемъ Онѣгинымъ».

А «Евгеній Онѣгинъ» пародиенъ насквозь.

Пародійны риѳмы. Выбираю для Заграницы примѣры попроще: *

И вотъ уже трещать морозы
И серебрятся средь полей
(Читатель ждетъ ужъ риѳмы розы)
На, вотъ, возьми ее скорѣй.

Пародійны сравненія:

Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Ипокреной,
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того сего)
Меня плѣняло.

Пародиенъ сюжетъ и типы . . . . .
. . . . .
Статью свою бросаю, какъ камень въ воду.

Берлинъ, 1 сентября 1922 г.

Викторъ Шкловскій

ОГЛАВЛЕНИЕ

Максимъ Горькій	7
Свѣтовой Ливень, <i>Марины Цвѣтаевой</i>	10
Объ Анненскомъ, <i>Вл. Ходасевича</i>	34
Къ теоріи комическаго, <i>В. Шкловскаго</i>	57
Временникъ, <i>Алексыя Ремизова 1/VI — 10/VII. 1917</i> . . .	68
Воспоминанія о А. А. Блокѣ, <i>Андрея Бѣлаго,</i> главы VI — VII	125